

РЕЦЕНЗИИ

Милославский И. Г. **Вопросы словообразовательного синтеза.** — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 296 с.

Для развития науки о современном русском словообразовании существенным является тот факт, что в последнее десятилетие она обогатилась рядом исследований, в которых решены многие принципиальные вопросы, даны важные представления о функционировании механизма словообразования, если рассматривать его „как некий скрытый процесс — „черный ящик“, открывая свойства которого, исследователь предполагает всей совокупностью данных как на входе, так и на выходе“ (Указ. соч., с. 3). Это исследования Н. Д. Арутюновой, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, М. В. Панова, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Н. М. Шанского, А. Н. Тихонова, В. Г. Чургановой, П. А. Соболевой, Б. Н. Головина, О. М. Соколова, М. Н. Шелякина, А. И. Моисеева, И. Ф. Протченко, Н. А. Янко-Триницкой, В. И. Максимова и многие другие.

Появление работ по вопросам словообразовательного синтеза русского языка чрезвычайно плодотворно для практики преподавания русского языка как неродного, ибо описать словообразовательные потенции русских слов и сочетаемостные возможности русских морфем — значит способствовать предотвращению большого числа ошибок в речи обучаемых, заключающихся в неверном соединении корневых и аффиксальных морфем, с которыми может соединяться заданный тип производящей

основы. В этой связи книга И. Г. Милославского „Вопросы словообразовательного синтеза“ является своевременной: она безусловно вписывается в контекст современной русской лингвистической науки, а выдвинутой в ней задача, — „имея индекс морфем русского языка с их значениями и формальными преобразованиями, попытаться определить те правила, с помощью которых можно, во-первых, понимать членимые русские слова, а во-вторых, образовывать новые слова от данных по заданному семантическому различию“ (с. 4) — представляется заманчивой и дерзкой, так как ее разрешение одновременно позволило бы решить многие принципиальные вопросы словообразования и в теоретическом, и в прикладном плане.

Рецензируемая книга состоит из введения (с. 3—22), трех глав: „Определение значения слова по значению составляющих его морфем“ (с. 23—126), „Образование нового слова от имеющегося по заданному семантическому различию“ (с. 127—224), „Значение идей и методов словообразовательного синтеза для соответствующих операций над словоформами и словосочетаниями“ (с. 225—291) и заключения (с. 292—294). Главы включают разделы, четкость построения которых и выводы, являющиеся логическим следствием анализируемого материала, способствуют созданию целостного восприятия сложных языковых фактов.

Вся структура книги в целом полностью и последовательно отражает этапы решения поставленной задачи.

Интересные наблюдения, яркие позитивные идеи, убедительные построения содержат все главы этого исследования. Так, И. Г. Милославский и своей книге высказывает ряд интересных соображений по поводу создания толкового словаря морфем русского языка. Нельзя не согласиться с автором книги в том, что наличие такого словаря позволило бы поставить задачу определения значения многоморфемного слова по значению составляющих его морфем (с. 10–12 и др.). Автор отмечает, что представленный в „Грамматике современного русского литературного языка“ (1970) материал, относящийся к семантике морфем, имеет огромную ценность, но не дает полного описания морфем, а описание такое крайне необходимо.

Привлекает внимание стремление автора четко разграничить на практике морфемный и словообразовательный анализы, что имеет принципиально важное значение в практике преподавания русского языка. Представляется убедительным такое морфемное членение, при котором важно установить не связи, существующие между словами, а имеющиеся в языке мельчайшие единицы, обладающие значением. Во всяком случае, такая постановка вопроса в большей степени соответствует решению задачи создания индекса морфем, чем членение слова на морфемы с учетом его соотношения с производящими, так как в первом случае создается возможность для выделения широких классов как аффиксальных, так и корневых морфем.

Рассматривая вопросы словообразовательного синтеза, автор во многом использует методы современной семантики, в частности, метод компонентного анализа, что дает весьма интересные результаты. Так, довольно любопытной представляется попытка автора дать дефиницию производных имен существительных со значением предмета как определенное соединение пяти составляющих: 1) общее родовое понятие о предмете типа *гриб, руда, автомобиль, вещество, инструмент, сосуд, лепеш-*

ка и т.п.; 2) обычное местонахождение; 3) особенности внешнего облика; 4) предназначение, функция (для какого действия или по отношению к какому предмету); 5) содержательные особенности (с. 74–75). Такой подход к производному имени позволил автору провести исчерпывающий анализ слова и прийти к интересному утверждению, что „синтез значения слова в целом из значений составляющих его морфем должен опираться на лингвистические и экстралингвистические факторы“ (с. 80). Однако, по мнению автора, полной степени точности при синтезе значения слова можно достичь лишь в ограниченном числе случаев, которые не отделяются явно от случаев с неполной степенью точности, что подтверждает известное положение о фразеологичности слова. Такой подход к значению слова, как нам кажется, нов и оригинален, и, если бы автору удалось провести подобный компонентный анализ других типов производных, то, в известной степени, вопрос о синтезе слова по заданному семантическому различию был бы разрешен. Правда, сам автор не ставит своей задачей охватить все случаи образования новых слов от данных по заданному семантическому различию (с. 129), но весь ход интереснейших и убедительных рассуждений автора книги заставляет читателя искать ответ именно на этот вопрос.

Исследование И. Г. Милославского представляет исключительный интерес в плане тех рекомендаций, которые предлагаются автором при изучении русского языка как родного и как неродного, не говоря уже о том, как велико его значение для работ по практической номинации, в практике создания словарей и грамматик русского языка, в практике автоматической обработки текста и др.

Мы разделяем мысль автора о том, что в практике преподавания русского языка как иностранного „целесообразно ука-зывать некоторые деривационные возможности производных слов“ и „едва ли методически целесообразно широко использо-

вать словообразование для обогащения активного словарного запаса учащихся-иностранцев, поскольку количество существующих моделей — и семантических и формальных — очень велико, а границы их действия определяются довольно непоследовательно¹, в особенности, если речь идет о деривации от непроемных слов (см. с. 213); в практике же преподавания русского языка как родного „необходимо продемонстрировать учащимся словообразовательные возможности русского языка, проводя с ними упражнения как на продолжение „деривационного ряда“, так и на определение причин его „закрытости“ (с. 214). Думается, предлагаемые рекомендации верны, особенно если учесть выдвинутое автором положение, что „правила синтеза нового слова от имеющегося по заданному семантическому различию становятся более конкретными, если само производящее слово является производным. В этом случае не только сужается возможный круг семантических продолжений, но и облегчается выбор необходимых формальных средств“ (с. 212). Важными для понимания операций словообразовательного синтеза над конкретными типами текстов являются Приложения к главам I и II, которые, с одной стороны, подтверждают правильность выдвинутых автором теоретических положений, с другой, — дают конкретные образцы работы по синтезу слова над различными частями речи (с. 214–224), что найдет несомненное применение в практике работы учителя в процессе преподавания русского языка как родного и как неродного.

Книгу И. Г. Милославского выгодно отличает то, что выдвигаемые в работе положения и построения органически связаны с результатами предшествующих исследований, в первую очередь русских и советских ученых, посвященных словообразовательному анализу. Вслед за автором мы считаем, что только на основе этих результатов возможно выдвижение новых задач.

Однако в ряде случаев встречается несколько неточное, по нашему мнению, использование автором некоторых семантических концепций. Так, автор уподобляет синтагматические свойства морфем синтагматическим свойствам слов (с. 77 и др.). „Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы 2 слова составили правильное сочетание, они должны иметь помимо специфически различающих их сем, одну общую сему“¹. В том случае, когда общие семы отсутствуют, наступает рассогласование, которое в конечном итоге переходит в несогласование или согласование в результате утраты одним из сочетающихся слов противоположной семы. Таким образом, сочетаемость слов с противоположными семами — частный случай синтагматических отношений. И. Г. Милославский же предпочитает усматривать в сопоставляемых морфемах в большинстве случаев противоположные смыслы (например, в слове *дождливый* предметному значению корня противоречит признаковое значение -лив-). При этом, по мнению автора, одно из противоположных значений зачеркивается (с. 227). При такой постановке вопроса действительно оказывается практически невозможным описать все зачеркиваемые и зачеркивающие значения русских морфем, а также конечный результат (значение производных) этих зачеркиваний. Если же последовательно уподоблять синтагматические свойства слов синтагматическим свойствам морфем, то следует считать, что их синтагматика регулируется тем „грамматическим плеоназмом“, который требует, чтобы одно понятие было повторено в синтагме дважды². В таком случае

¹ См. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики — 1971. М., 1972, с. 375.

² Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955. с. 169–175.

в сопоставляемых морфемах нужно видеть не противоречащие, а сопоставляемые и по значению. При таком подходе представляется практически возможным описать все возможные соположения морфем в русском языке и конечный результат такого соположения.

В последних главах работы автор приходит к выводу о непредсказуемости сочетаемостных свойств морфем. И хотя отсутствие ответа на вопрос, заключенный в поставленной задаче (с. 4, 130), не может не вызывать некоторой „лингвистической грусти“, мы должны согласиться с автором в том, что „обнаружение несистемных

*Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра русского языка*

Молошная Т. Н. **Субстантивные словосочетания в славянских языках.** — М.: Наука, 1975. — 238 с.

Проблемы сравнительно-типологического анализа особенно актуальны для языков близкородственных, какими являются славянские. Сопоставительное изучение грамматики славянских языков имеет длительную традицию. Однако основным препятствием в создании подлинной типологии славянских языков продолжает оставаться отсутствие обобщающих работ, охватывающих факты всех языков, в том числе и в одном каком-либо аспекте. В то же время для появления такого рода работ имеются все необходимые предпосылки, поскольку грамматический строй большинства славянских языков к настоящему времени описан достаточно полно, хотя принципы его описания во многом остаются различными.

Появление работ, ставящих своей целью подвергнуть сопоставительному исследованию такой сравнительно мало изученный вопрос грамматики славянских языков, как субстантивное словосочетание, каковой является рецензируемая монография

участков в языке является таким же обычным для всякой науки результатом, как и любой отрицательный результат“ (с. 179).

В целом книга И. Г. Милославского „Вопросы словообразовательного синтеза“ — яркое, полемически заостренное исследование, отличающееся как широтой и глубиной анализируемых проблем, так и тем, что оно открывает новые перспективы в изучении русского словообразования. Несомненна значимость рецензируемой книги для развития теории и практики словообразовательного синтеза и обучения русскому языку как средству коммуникации.

*Л. Судавичене, Э. Лассан
Февраль, 1981*

Т. Н. Молошной, следует считать чрезвычайно своевременным и важным.

Удачен выбранный автором объект сопоставления — словосочетание, в котором стержневое слово представляет собой существительное — при условии, что сопоставительное изучение словосочетаний в славянских языках на этом не остановится, но будет продолжено на материале адъективных, адвербиальных и глагольных словосочетаний. По-видимому, правы те исследователи, которые считают, что в области синтаксиса для типологического сравнения целесообразно выбрать структуру меньшую, чем предложение, обладающую формальными и функциональными свойствами. Словосочетание в его полном объеме могло бы стать микросистемой, соотносительной во всех славянских языках, а также основанием для сопоставления славянских языков с неславянскими. Только когда будут описаны все так наз. „малые системы“, станет возможным подлинно сопоставительный анализ строя близкородственных языков, в данном случае славянских.

Монография Т. Н. Молошной представляет собой наиболее масштабную из работ по сопоставлению словосочетаний в

славянских языках. Она охватывает 5 языков — русский, польский, чешский, сербскохорватский и болгарский, представляющие все основные славянские языки и все славянские языковые группы.

Материалом для работы послужили в основном грамматики соответствующих языков, отдельные специальные исследования, в некоторых случаях — собственные наблюдения автора, и это является слабым моментом работы, обусловившим основные ее недостатки, которые объективно вытекают, прежде всего, из недостаточного полного и адекватного описания объекта исследования во всех славянских языках. Установка на грамматики, а не на факты живой речи, на их отражение в литературе неизбежно оставляет за пределами исследования многие важные моменты, такие как продуктивность моделей, инновации, тенденции развития избранного типа сочетаний. Многие явления, находящиеся на периферии языка, но тем не менее общие с аналогичными явлениями других языков, вследствие синонимии, конкуренции и т.д., выпадают из поля зрения грамматик, имеющих нормативную установку. Напр., мимо внимания исследователя прошло сопоставление очень продуктивных в болгарском языке беспредложных сочетаний существительных типа *чорба фасул* и русских коллоквиализмов типа: *суп-фасоль, салат-огурцы, концерт-вальс* и пр.

Взятое отдельно, субстантивное словосочетание нельзя считать благодатным материалом для выявления общеславянских черт, поскольку такие славянские языки, как болгарский и македонский, резко отличаются от остальных славянских языков, ибо в них отсутствует категория падежа имени существительного. В области же других словосочетаний, в частности, глагольных, данные славянские языки должны, по-видимому, обнаруживать большую близость черт, обусловленную наличием общеславянской категории глагольного вида, широким распространением финитных глагольных форм. Выводы же из со-

поставления субстантивных словосочетаний еще не дают достаточно веских оснований для выявления общеславянских черт и уточнения классификации славянских языков и в этом смысле не могут считаться окончательными.

Рецензируемая монография состоит из теоретической вводной части и пяти основных глав (по числу языков). В конце каждой главы даются выводы, имеется также заключение, подводящее итоги всему исследованию.

В теоретической главе автор подробно излагает свой взгляд на природу словосочетания, в котором он исходит из представления о словосочетании как о единице, качественно отличной от предложения. К словосочетаниям, по мнению автора, следует относить соединение двух полнозначных слов, связанных по смыслу и грамматически (с. 4). Свободное словосочетание не является готовой единицей языка, оно создается в речи. Это особая синтаксическая единица, отличная от слова и от предложения. К словосочетаниям следует относить свободные соединения двух или более полнозначных слов, образованные с помощью подчинительной связи (с. 6). Они не образуют предложения, не обладают коммуникативной связью. Отсюда следует, что предикативные соединения не являются словосочетаниями и поэтому в работе не рассматриваются. Тут, однако, автор не до конца последователен — напр., на с. 46 утверждается: „...несклонимость существительного... не препятствует ему входить в разные типы словосочетаний... прискакал кенгуру — предикативное словосочетание“.

Далее в работе отмечаются важнейшие свойства словосочетаний. „Для словосочетания, — пишет Т. Н. Молошная, — характерно контактное расположение компонентов в составе предложения“ (с. 20). Словосочетание обладает бинарной структурой. Словосочетание из трех полнозначных слов тоже обладает бинарной структурой, являясь „двухъярусным сочетанием“: человек высокого роста — определяющий ком-

повент в свою очередь является бинарным: роста — определяемое, высокого — определяющее (с. 7).

Остается, однако, неясным, считает ли автор бинарность свойством любого элементарного словосочетания или такое словосочетание лишь избирается в качестве единицы синтаксического описания. Неясно, как в таком случае трактовать двух-, трех-, четырехчленные простые словосочетания типа: „перевод книги с русского на хинди“ и ему подобных. В работе, специально посвященной именованному словосочетанию, этот вопрос следовало бы осветить более подробно.

Черезчур категоричным представляется утверждение о том, что будто бы признавать за словосочетанием наличие системы форм является излишним морфологизмом (с. 7). Именно наличие системы словоформ у второго компонента в таких сочетаниях, как город **Вильнюс**, обеспечивает его противоположение сочетаниям с приложением типа журнал **Ленинград** (разумеется, если относить такие соединения слов к словосочетаниям, что нельзя считать бесспорным). В этих случаях нельзя утверждать, как делается в работе, что изменение определяемого слова по его парадигме не имеет будто бы отношения к структуре словосочетания — именно наличие падежной парадигмы у определяемого слова создает противоположение двух структурных типов, из которых один образован по связи согласования, или аппозиции, а другой — примыкания.

Приступая к классификации словосочетаний по типу подчинительной связи, исследователь неизбежно сталкивается с наиболее дискуссионным вопросом понимаемого таким образом словосочетания, прежде всего субстантивного, — с вопросом о разграничении управления и примыкания. Как известно, по вопросу управления наметились две точки зрения — традиционное, идущее от А. М. Пешковского, расширенное понятие управления, включающее и сильное, и так наз. слабое управление, в

том числе управление косвенным падежом у существительного, и более узкое понимание управления, представленное, напр., в Грамматике-70, при котором случаи слабого управления в управление не включаются.

Косвенные падежи, не выражающие объектных или комплетивных отношений, образуют именовое или предложно-падежное примыкание, в результате чего происходит расширение понятия примыкания.

Столь различный подход к управлению и примыканию, как справедливо замечает автор, обусловлен тем, что разграничение сильного, слабого и предложно-падежного управления не формальное. Автор рецензируемой монографии придерживается в работе традиционного, более широкого понимания управления, включая в него сильное и слабое управление, предложно-падежное примыкание, а также так наз. детерминанты, относящиеся ко всему строю предложения. Напр., ножка стола у Т. Н. Молошной, как и у А. М. Пешковского, — управление, а у Н. Ю. Шведовой, автора соответствующего раздела Грамматики-70, — именовое примыкание. Однако в работе Т. Н. Молошной не дается строгого определения управления, хотя и говорится, что в настоящее время практически общепринятой является точка зрения, согласно которой зависимость косвенного падежа определяется не грамматической формой определяющего компонента, а лексикограмматическими свойствами определяющего слова (с. 10).

Кроме традиционных подчинительных связей — согласования, управления и примыкания, в рецензируемой работе выделяется связь аппозиция, традиционно называемая приложением (напр., сапоги-скоороходы), которая фактически рассматривается как особый вид подчинительной связи, о чем свидетельствует таблица (с. 24), хотя в тексте та же связь характеризуется как подвид согласования (с. 6), где есть лишь согласование в падеже и числе и отсутствует согласование в роде.

С такой трактовкой указанного вида связи трудно согласиться. Прежде всего вызывает возражение сам факт безоговорочного включения этих образований в словосочетание. Не случайно они часто называются „сложно-составными словами“, „составными наименованиями“, „сочетаемым с приложением“ и проч.

Если считать такие соединения словосочетанием, то подчинительную связь в этом случае можно рассматривать как стоящую ближе к примыканию или даже управлению. Связь, с помощью которой образуются такие сочетания, вообще даже не вполне подвоима под определение подчинительной связи, не случайно А. М. Пешковский называл такие сочетания „сочинением“, а не подчинением, считая, что оба элемента в соединениях типа брат-учитель одинаково относятся к одному предмету действительности, а не определяют один другой (Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1933, с. 82). Против включения данной связи в согласование в качестве неполного его вида можно привести следующие возражения: согласование так наз. „приложения“ может быть и в роде и бывает очень часто — сын-красавец, дочь-красавица. Параллелизм в роде может быть и может не быть — дерево-яблоня и школа-интернат. Но точно так же, как необязателен параллелизм в роде, не является существенным для аппозиции согласование компонентов соединения в числе (хотя иногда считается, что здесь грамматические формы числа выступают в синтаксической функции). О том, что это так, говорят не только случаи, где один из компонентов не употребляется в форме ед. ч. (ясли-сад, часы-браслет, окошки-„слуши“), но и такие случаи, как „роман-воспоминания“, „очерк-зарисовки“, „пушки-пугало“, напр., „но специальные пушки-пугало считаются наиболее гуманным, эффективным, а главное, более экономичным средством“ („Неделя“, 1976, 31 октября).

Очевидно, основной связи не является согласование ни в роде, ни в числе. Что касается согласования в падеже, то, хотя его следует считать самым устойчивым (одновременного употребления разных падежей в данной конструкции не бывает), все же в этой конструкции преобладает им. п. — конструкции в косвенных падежах часто избегаются говорящими. Кроме того, для болгарского языка и согласование в падеже не является существенным, поскольку там в системе существительного нет падежей.

Говоря об апозитивном словосочетании, автор подробно разбирает проблему разграничения словосочетаний и аппозитивных сложных слов и приходит к выводам, с которыми следует согласиться. Основным признаком сложного слова она считает морфологическую цельнооформленность, основанную на неизменяемости первого компонента, и убедительно показывает это, сопоставляя русский и болгарский языки: в русском первый компонент перестает склоняться и все слово получает морфологическое оформление по второму компоненту: я сижу на диван-кровать; купите отделку к платье-костюму. В болгарском к первому компоненту перестает прибавляться член, что неточно названо „несклоняемостью первого компонента“ (с. 154), и членную форму получает второй компонент: вместо вагонът-хладилникъ имеем вагон-хладилникът. Можно сделать вывод о том, что указанное явление объединяет русский и болгарский языки, — для других славянских языков сложные слова аппозитивного типа, по-видимому, характерны.

Как известно, синтаксическое описание может быть двоякого рода, в зависимости от того, что берется за основу: форма или функция; и рецензируемая работа демонстрирует оба указанных типа.

В качестве единицы синтаксического описания выбрана модель словосочетания, т.е. основным является формальный способ описания. Характеристику модели со-

ставляют лексико-грамматическая принадлежность компонентов, их порядок, вид подчинительной связи. Напр., Суш₁ + предлог с (s) + Суш₂ род. п.: цветы с юга (рус.), krok s cesty (чеш.) — вид связи — формальное управление, нормальный порядок слов — постпозиция определяющего; Суш + прилагательное, местоименное, несклоняемое: jego los (польск.), ee друг (рус.), другарите му (болг.), вид связи — примыкание, нормальное положение определяющего — препозиция для всех языков, кроме болгарского, и т.д.

Каждая глава строится по единой схеме: структурная модель, ее подвиды и внутри них — синтаксические значения, для выявления которых автор часто пользуется методом трансформации.

Такая единая схема, разумеется, помогает ориентироваться в материале, но она не может заменить собой сопоставления. Оно проводится не полностью и не всегда последовательно, часто сопоставление представляется случайным, если не произвольным, а между тем лишь фронтальное сопоставление способно выявить как общеславянские, так и специфические черты каждого из языков. Приходится с сожалением отметить, что подлинно типологического исследования в данном случае не получилось, что, разумеется, не перечеркивает имеющихся у работы серьезных достоинств и не делает достигнутые результаты менее значительными.

В заключительной главе дается анализ модели с предлогом о с предложным падежом по всем языкам и сопоставление выражаемых ею отношений — как пример возможного сопоставления языков от формы к функции. С другой стороны, дается и анализ от функции к форме и прослеживается способ выражения назначения во всех сопоставляемых языках. Во втором случае автор приходит к следующим выводам: отношение назначения выражается моделью Суш₁ + Суш₂ дат. п. в русском (дифирамб писателю), польском (stawa gobocie), чешском (věno dceře), сербско-

хорватском (пријatelj gospodaru), Суш₁ + против (и этимологически тождественными предлогами) + Суш₂, хотя и с разными падежами, во всех языках, в том числе и в болгарском (капли против малокровия, szcierponka przeciwko chorobie, средство против молчи) и другими способами, что наглядно показано в табл. 2 на с. 212. Остается лишь пожалеть, что автор, пойдя, таким образом, вплотную к подлинно типологическому исследованию, показав его пути и возможности, остановился в самом начале пути, в результате чего на данном этапе исследования четкого различия между рассматриваемыми языками в избранном им аспекте показать не удалось, так же как и нельзя утверждать, что четко оказалось выявлено сходство.

Что касается примера сопоставления предложной модели Суш₁ + о + Суш₂ предл. п., то его нельзя признать верным во всех деталях (табл. 3, с. 215). Из таблицы получается, что в болгарском языке нет соответствующей модели и нет такого предлога, в действительности же этот предлог может в отдельных случаях выступать и в болгарском языке: удари о камък. Из сопоставления данной модели другой модели — с о и с вин. п., существующей в большинстве рассматриваемых языков, еще не следует, что в болгарском нет модели Суш₁ + о + Суш₂ предл. п., поскольку в болгарском нельзя говорить о падеже существительного. В целом болгарский не является столь изолированным, как это подчеркивается в работе, — он обнаруживает немало общих черт с другими не только в значении предлогов или в семантике компонентов, но и в самих моделях. Тут, в частности, можно найти общие черты и с русским, и с чешским (предлог от со значением отношения к лицу: orega od Smetanu, роман от Вазов, костюм от модного портного).

Правильным следует признать вывод о том, что предлог о в болгарском, в отличие от всех остальных славянских языков, не выражает изъяснительных отношений

(русск. о = болг. за). Вместе с тем, если бы учитывались и устаревшие конструкции, в русском языке в указанной таблице можно было в пустую клетку определительно-временных отношений вставить такие архаичные употребления, как *приезд о святках, свддание о полночи*, соответствующие польским типа *„pryjazd o świącie“*, подобно тому, как учитывается *конь о четырех ногах*, соответствующее польскому *rokój o trzech oknach*.

К неточностям фактического материала следует отнести случаи характеристики компаратива во всех рассматриваемых языках как примыкания и постпозиции определяющего компонента. И то, и другое верно только для русского языка — во всех остальных языках связь компаратива с

определяемым — согласование, и постпозиция не является для компаратива обязательной.

Есть в работе и другие мелкие недочеты. Однако положительные стороны данного исследования, как отмеченные, так и не отмеченные в настоящей рецензии, позволяют дать проделанной автором работе в целом высокую оценку с учетом того, что она представляет собой фактически первый этап тщательного исследования, которому должно подвергнуться словосочетание в славянских языках. Следует пожелать, чтобы эта интересная и актуальная работа в ближайшем будущем получила свое продолжение.

С. И. Неделяева-Степонавичене

Январь, 1978

*Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра русского языка*